

братьях Голядях; в связи с этим ср. около Нидборка место по имени Gora Galindzka связанное в версии С.Грунау, с сыном Ви-девута по имени Galindo, Galindus, а также балтийские и белорусские предания о богатырях, перебрасывавшихся камнями или каменными топорами и иногда превращавшихся в камни или каменные горы). В связи с Nom. propr. Galind-, засвидетельствованным в прусском ономастиконе, ср. в старопольской традиции Golan-
din, 1065 (= *Goledzin), Golanda, 1458 (= *Goleda), Goledzynowsky,

1449 и др. и в русской традиции Голядов, 1570 (Москва!), Голядко, 1651, Голядкин, герой "Двойника" (об отражении "голядской" темы в этом произведении и ее предпосылках см. в другом месте). Примерно в тех же местах в южном Подмоскowie отмечено этнонимическое название Прусы. Интересно, что жителей с. Курша в бас. р. Пира местное население называет литвой некрещеной, куршей головастой (Смолицкая Г.П.).

4. Голядский топонимический элемент, окружавший Москву, в середине XII в. имел свое соответствие в голядском этносе по Протве, с которым приходилось считаться как киевскому князю, так и ростовско-суздальским князьям. Очень вероятно, что балтийские древности самой Москвы (ср. гидронимы типа Ауза, стар. Ауза, Чериянка, Пресня, Сетунь, Химка, Чертаново, Чура, Варгуниха, Ку-
дрино, Бубна и т.д. или даже калькированные названия типа Чече-
ра (река, протекавшая по Гороховому полю; ср. и.-евр. kiker- "горох", лтш. kekars, sesers ит.п.); имена, связанные с первоначальниками Москвы - Букал, Кучка; устойчивость балтийской темы в раннемосковской истории - родоначальник Прус в текстах, относящихся ко времени сложения концепции Москвы - третьего Рима, и т.п.) непосредственно должны объясняться именно

из голядского элемента, выступавшего в Москве одновременно и как субстрат и как адстрат по отношению к обоим потокам славянской колонизации в Подмоскowie. Раскопки Троицкого городища на р. Москве, в 17 км выше Можайска, с несомненностью обнаружившие присутствие балтийского элемента в Подмоскowie, еще более утверждают в предположении о возможности конкретной реконструкции балтийского этнолингвистического и культурно-исторического элемента в этом ареале.

В.Н.Чекман (Вильнюс)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАБАЛТОСЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЗОНЫ

1. Результаты древнейших фонетических изменений, охвативших некоторые диалекты праиндоевропейского языка и отдельные индоевропейские языки на ранних этапах их развития, отражены в балтийских и славянских языках непоследовательно. Наряду с преобладающими в количественном отношении сатемными рефлексам и.-е. *k̃, *g̃, здесь отмечены заднебные k, g; и.-е. слоговые плавные представлены сочетаниями ir и ur (где r - любой сонорный), *v после i, u, r, k обычно переходит в прабалтославянском в *ṽ, но в некоторых случаях оно сохраняется; и.-е. *ō в одних лексемах представлено как uo в балтийских языках, а в других его рефлекс не отличается от рефлексов и.-е. *ā, как и в праславянском.

2. Сложилась устойчивая традиция объяснять перечисленные непоследовательности различного рода фонетическими причинами.

Наличие в балтийских и (реже) в славянских языках слов с рефлексамии обоих типов и близких (или тождественных) по значению, по нашему мнению, заранее обрекает такие попытки на неудачу. Более редко эти факты пытаются объяснить, исходя из "теории волн". При этом предполагается, что прабалтославянские диалекты находились на периферии тех ареалов, где указанные изменения зародились и откуда они распространялись.

3. Следует обратить внимание на то, что изменения, давшие в прабалтославянских диалектах непоследовательные результаты, в иных индоевропейских языках осуществились или очень последовательно, или с исключениями, четко мотивированными фонетически. Переход палатальных в сибиллянты или шибиллянты ("сатемизация" палатальных) принадлежит к числу фреквенталий, разложение слоговых плавных на сочетания $R + V$ или $V + R$ также нередкое явление в зафиксированных языках; обычно эти явления не подчиняются каким-либо позиционным ограничениям.

4. Непоследовательности в отражении каких-либо изменений давно используются исследователями для реконструкции процессов языковой интерференции или опознания заимствований из близких языков и диалектов. Например, случаи с ei в латышском вместо ожидаемого ie < прибалт. *ei трактуются как куронизмы, k, g вместо c, dz считаются надежным свидетельством заимствования из литовского. Дублеты с начальными или интервокальными g и без g в этих позициях, непоследовательности в отражении и.-е. придыхательных и под. в древнегреческих диалектах, согласно общепринятому мнению, отражают этническую неоднородность населения древней Эллады и т.д. По нашему мнению, наличие ur наряду с более обычными ir отступления

от сатемных рефлексов и.-е. палатальных, случаи сохранения *i-k, а также следы и.-е. *g в балтийских языках надежно свидетельствуют о том, что в формировании прабалтославянской диалектной зоны, основу которой составляли носители сатемных, ir-, *i-k > *i-k и *o x a > *a (з) диалектов, приняли участие носители кентумных, ur-диалектов ("германоидных"). Судя по семантике и фонетическому облику слов, образующих соответствующие дублеты, взаимодействующие диалекты были очень близки между собой.

5. Вполне возможно, что не только прабалтославянские диалекты были неоднородными в указанном смысле; не исключено, что они составляли северную часть сатемных диалектов, подвергшихся кентумному влиянию, а южная ее часть находилась на территории формирования палеобалканских языков.

6. Предлагаемую гипотезу о неоднородности прабалтославянского языкового ареала мы рассматриваем в качестве основы для программы исследования процессов формирования словаря этого ареала. В данном докладе особое внимание обращается на то, что многие синонимические балтийские (или балтославянские) пары образованы лексемами, одна из которых ориентирована на запад (имея германские соответствия), а другая - на юг или юго-восток индоевропейского языкового мира.